

ОТЕЦ ИОАНН

Почтенный облик митрофорного протоиерея Ивана Федоровича Троицкого знаком очень многим в нашем городе и области. Вот уже 35 лет он является настоятелем старейшего храма г. Орла "Во имя усекновения главы Иоанна Предтечи" (Свято-Иоанно-Крестительского). Без малого два десятилетия он занимал пост секретаря Орловско-Ливенской епархии. В 90-е годы, когда Церкви стали возвращать полуразрушенные храмы, последовательно принимал на себя многохлопотные обязанности настоятеля переданных храмов — Свято-Иверского, а затем и Свято-Ильинского (Николо-Песковского) — и руководил их восстановлением. В последнем работа еще продолжается, и отец Иоанн по-прежнему пребывает там пастырем. И каждый раз, когда случается бывать в этом храме, он с трогательной, светлой радостью показывает очередное прибавление в украшении храма. Так было и в этот раз: великолепный позолоченный семиярусный иконостас, киоты, выполненные из резного дерева, настенная роспись... На куполе Николо-Песковской церкви пять глав — и в каждой настоятель задумал с четырех сторон установить мозаичные иконы (всего 20), нашел хорошего мастера... Так храм постепенно хорошеет, превращаясь в собрание подлинных произведений различных искусств.

принять сына попа!". И клялся, что не даст Ивану закончить вуз. Институт он, и правда, так и не закончил — мучили не только притеснения, но и бедность. Шел 1951-й год. Дед и отец попросили действующего архиерея устроить Ивана по потомственной духовной линии, благо тот вырос при церкви и все детали церковной службы знал накоротке. Владыка был только рад: молодой, видный, грамотный священнослужитель — редкость для русской церкви той поры. Захотел владыка, чтобы служил Иван дьяконом в главном соборе Ульяновска — но власти запретили. Впрочем, и в ту пору среди власти преобладали разные люди

В нынешнем году к 75-летию И.Ф. Троицкого Орловско-Ливенская епархия выпустила книгу "Орловские святые", в которой рассказывается об истории двух замечательных орловских храмов, где настоятельством Иоанн Троицкий, там также сказаны и замечательные слова о "любезном всем нам и любимом нами батюшке отце Иоанне": "Вместе со всем духовенством епархии Иван Федорович восстанавливал древние храмы и строил новые, создавал приходы и монастыри, православные школы и гимназии, возродил он и православную издательскую деятельность. Этим общим соборным трудом процвела наша епархия, число приходов увеличилось почти в десять раз и край наш вновь стал православным. Многолетнее, смиренное и усердное служение отца Иоанна было оценено как заслуга перед Православием и Церковью Христовой и отмечено орденами Русской Православной Церкви — святого, равноапостольного князя Владимира (первой и двумя второй степени), преподобного Сергия Радонежского (первой и второй степени), святого Даниила Московского (первой и второй степени), преподобного Серафима Саровского, многими церковными медалями и патриаршими грамотами, а также российским орденом Дружбы".

Отец Иоанна любят и почитают как своего духовного наставника не только его прихожане, многие верующие епархии приезжают к известному батюшке за благословением, советом, наставлением. С ним ищут встречи. Впрочем, тот, кто ждет от него многого, и "заumnости", будет разоча-

рован: отец Иоанн избегает красивых фраз и вообще какой бы то ни было позы. В разговоре с людьми он удивительно прост, смиренен и даже застенчив; видно, что он людей жалеет, заведомо прощает и благословляет. Это происходит не просто от природного мягкосердечия (хотя и это качество в батюшке, конечно, есть), но от "многоязычия", от опыта житейского и пастырского. Такого Ивана Федоровича Троицкому не занимать. Он священник в пятом поколении. Митрофорным протоиереем был его отец, его дед был архиереем — епископом Чистопольским и Мамадышским.

Много раз я просила отца Иоанна рассказать о его судьбе, о детстве, о родителях. Но каждый раз он скромно отмалчивался, объясняя с какой-то затаенной болью: "Не хочется то время задавать...". "То время" — это годы коммунистической диктатуры, когда большевистская идеология поварварски напористо и бесчеловечно вытесняла из российского менталитета приверженность к извечным духовным ценностям; годы, когда человека, открыто назвавшего себя православным верующим, приравнивали к преступнику и объявляли контрреволюционером, врагом народа. За веру простые верующие шли в лагерь, а что уже говорить о священнослужителях... Многие из них поплатились за свой сан жизнью или годами лагерей, а их дети жили в страхе, унижениях и гонениях. Именно такими были детство и юность Иоанна Троицкого.

Отец рукоположили в 27-м. Его приход был в одном из поволжских сел в 40 километрах от Чистополя. В семье у батюшки с матушкой было 12 детей!

(впоследствии выжили семеро). Иван родился в 30-м, и когда в 38-м отца пришли арестовывать, он все понимал и все детали той ночи, того прощания с отцом помнит до мельчайших подробностей до сих пор. Их дом обыскивали всю ночь: обшарили все углы, взломали даже полы. (Что они искали: свидетельства контрреволюционного заговора, церковные ценности... Кто знает?). Единственная ценность была в их бед-

Фото Вячеслава МИТРОХИНА.

ном многодетном сельском доме — отцов фотоаппарат да старинные книги — и это к утру изъяли. С рассветом, когда гнали в стадо коров, отца усадили на телегу и увезли. Был сентябрь, утренняя роса была уже холодной, но босой Ваня, долго бежавший за телегой и не отрывно глядевший на молчащего и подавленно-го отца, дрожал не от холода...

В январе всю семью арестованного священника выгнали из церковной сторожки, где они ютились, просто на улицу. Одна добрая женщина их приютила, разрешила жить в бане. Ночью дети вповалку спали на полу, посыпанном соломой, а утром этой соломой топили печь. Кормились подаванием.

На суде свидетелей контрреволюционной, антисоветской деятельности отца не нашлось, но тем не менее приговором тройки священник Федор Троицкий был отправлен в один из советских концлагерей, придуманных еще в 1918 году Лениным. Согласно временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД "осужденные за контрреволюционные преступле-

ния должны направляться в лагерь, находящиеся в отдаленных местностях" (статья 2 инструкции). Отца отправили в Медвежьегорск в Карелии — он пополнил ряды строителей Беломорско-Балтийского канала имени И.В. Сталина.

Иван Федорович с горькой усмешкой вспоминает, что на письмах к отцу адрес они с мамой именно так и писали: "Беломорско-Балтийский канал им. Сталина".

— Как же так, — спрашиваю, — ведь все мы еще с ученика знаем, что ББК, канал длиной более 200 километров, был построен ударными темпами за рекордно короткий срок — за полтора года: с ноября 1931-го по март 1933-го, еще писатель

Горький в газете писал, что тогда мы победили природу... А вашего отца арестовали в 38-м...

— Да нет, канал этот еще долгие годы, опять же руками заключенных, доводился до ума после официального, парадного объявления об его открытии.

К слову, знаменитый канал поторопившиеся с победными реляциями коммунисты так и не довели до ума: через него собирались перебрасывать корабли Балтийского флота в Белое море, но в результате спешки канал оказался очень мелким, дно его постоянно заносило. Когда Солженицын предпринял путешествие на Беломорканал в 1966 году, оказалось, что тот практически не используется...

Надорванный непосильным трудом, изможденный голодом отец вернулся из лагерей после войны смертельно больным. Его недуг — истощение костного мозга — был неизлечим, думали — умрет. Но в лагере с отцом бок о бок работали мировые величины, и среди них — светила медицины, и один профессор сказал ему, что при этом недуге спасение есть — нужно питаться сырым мясным фаршем. Из родного села матушке с детьми к тому времени уже пришлось уехать: старших затравили в школе как "детей попа". В маленьком колхозе под Чистополем устроилась она пасечницей. Там спасала детей от голода, а затем и мужа от недуга.

К слову, презрительную кличку "сын попа" Иван неожиданно для себя услышит еще раз, когда уже юношей выберется из спасительной для семьи глуши в Казань и поступит в юридический институт: уже на первом курсе его вызвал к себе ректор и при нем кричал на членов приемной комиссии: "Как вы смели

были: тогдашний председатель Ульяновского облисполкома был человеком всесторонне образованным и глубоко культурным — он знал и уважал семью Троицких (старший брат Ивана, Герман, работал в редакции журнала "Московская патриархия", несколько лет издавал в Берлине журнал "Голос православия"; другой брат, Евгений, сделал научную карьеру, в настоящее время — профессор Смоленского университета). Высокое покровительство сделало свое дело — уже через два года отправленного было на приход в глухомань Ивана пригласили служить в собор. Местная институтская молодежь валом шла посмотреть, как служит молодой священник...

С самого момента рукоположения в духовный сан о. Иоанн стал открыто носить облачение священника — в рясе он шел по городу на службу и со службы, ездил в столицу к брату, в рясе ходил в Третьяковку... Люди смотрели с одобрением. Среди простых людей он чувствовал уважение к своему званию. И это давало силу и уверенность, заставляло забыть пережитое, убеждало, что миссия русского духовенства востребована, несмотря ни на что.

Минули с той поры десятилетия. Последний серьезный нажим на церковь со стороны коммунистического режима был при Хрущеве. Иван Федорович (его семья в 60-е годы переехала в Орел) помнит случаи, которые были на Орловщине, когда за факт крещения в семье ребенка чиновников снимали с должности. Но все, слава Богу, ушло. Как это сказал Иван Федорович — "не хочется то время задавать"? Точно, не хочется. Но надо. Чтобы не повторилось.

Татьяна ПАВЛОВА.